

7. Руденко В. Н. Политическое граффити // Социолог. исследования. — 1997. — № 10. — С. 50-55.
8. Самарина Е. Кто “бомбит” Екатеринбург? // Подробности. — 1999. — 5 авг. — С. 5.
9. Самарина Е. Стенковая азбука // Подробности. — 1999. — 7 сент.
10. Сплошное любование — на заборах рисование // Окно. — 1999. — № 5.
11. Экскурсия по помойкам с буквоментарием // На смену! — 1999. — 18 нояб. — С. 7.

Л. А. Дашкевич,

Свердловский областной краеведческий музей (Екатеринбург)

Управление делом “общественного призрения” в Пермской губернии XVIII — первой половины XIX веков

В процессе становления государственной идеологии социальной помощи в нашей стране большую роль сыграли исторически сложившиеся здесь традиции народного быта. Русскому народу издавна свойственны были традиции патерналистского сознания, мирской взаимовыручки и взаимопомощи. Именно эти обычаи во многом использовало российское государство, начав формирование административной системы борьбы с профессиональным нищенством и помощи нуждающимся. Законодательные акты, обобщенные в первой половине XIX в. в Своде законов, прямо предписали владельцам крепостных душ, помещикам, “пещись о держании и призрении крепостных людей, пришедшим в невозможность кормиться работою и не допускать их до нищенства” /1/. Горное законодательство распространило эти правовые нормы на владельцев горнозаводских округов, обязав их иметь попечение “о прокормлении бедных и неимущих, престарелых и увечных людей” на заводах /2/. В государственных и удельных деревнях ответственность за благосостояние крестьян и недопущение их до нищенства обязано было нести соответствующее ведомство и сельское общество. Наблюдение за исполнением законов в этом отношении возлагалось на земскую и городскую полицию.

Законодательство Петра I впервые признало за государством право создавать обязательные нормы в области социального призрения и требовать их исполнения, хотя, конечно же, обязательства эти в то время были весьма условны. За допущение нищих к бродяжничеству виновные могли быть подвергнуты штрафу. Указ от 20 июня 1718 г. предписывал отсылать задержанных бродяг на места их жительства, “а на помещиках и на хозяевах, также на старостах и прикащиках брать штрафа за каждого человека за неусмотрение по пяти рублей”. Указ Екатерины II от 27 февраля 1772 г. подтвердил это предписание /3/. При Николае I в XIX в. размеры штрафа были увеличены в несколько раз. “Правила для руководства Комитета о разборе и призрении нищих в Санкт-Петербурге” 1835 г., присланные для руководства в Уральское горное правление, указывали: “Общества или помещики, отпустившие по паспортам, свидетельствам или другим каким-либо актам для прокормления себя работою таких людей обоего пола, кои по старости, дряхлости, болезни или калечеству не в силах исправлять работ и снискивать себе пропитание трудами, по задержании их полициею за прошение милостыни подвергаются штрафу в пользу Комитета о нищих в первый раз по 25 рублей ассигнациями за каждого человека или женщину. Когда после возвращения помещикам или обществам [...] люди сии вторично взяты будут полициею за бродяжничество и прошение милостыни, то в сем разе с помянутых помещиков и обществ взыскивать означенный штраф вдвое; в случае задержания тех же людей в третий раз втрое и так далее” /4/. Если вспомнить среднегодовой размер оплаты труда и пенсий рабочих того периода, станет ясно, что владельцам горных заводов было гораздо выгоднее содержать собственную систему социального призрения, чем подвергаться столь большим штрафам.

Огромный вклад в формирование социального права внесло законодательство Екатерины II. Знаменитое екатерининское “Учреждение о губерниях” 1775 г. конкретизировало и систематизировало существовавшую в провинциальной России структуру государственных институтов социальной помощи. Для управления этой системой императрица создала особые органы — приказы общественного призрения, удивительные учреждения, аналогов

которым не знала Европа. В ведомство приказов первоначально включались почти все институты социальной сферы: народные школы, больницы, сиротские дома, аптеки, богадельни, дома для душевнобольных, работные и смирительные учреждения. Впоследствии часть этих институтов получила самостоятельное управление.

Финансирование учреждений социальной сферы в российских губерниях, согласно законодательству, осуществлялось на доходы приказов общественного призрения, которые имели достаточно большую хозяйственную самостоятельность. “Учреждение о губерниях” 1775 г. и “Городовое положение” 1785 г. разрешило этим губернским учреждениям заниматься кредитными операциями, отдавая всю прибыль от них на дело благотворительности. Помимо этих доходов, в казну приказов должны были поступать штрафные и пенные деньги с провинившихся жителей, комиссионные от продажи игральные карт, “апелляционные пошлины” из судов в том случае, если проситель обвинялся судом и не получал апелляции и т.д. Сюда же обязаны были отдавать благотворительные пожертвования все жители губерний, желающие помочь ближнему. Частная милостыня была строжайше запрещена законом. Для сбора пожертвований на нужды бедных людей приказ устанавливал специальные кружки. Получали приказы и хозяйственную прибыль от созданных ими фабрик, заводов, аптек и других “хозяйственных заведений”, а также от деятельности работных и смирительных домов.

При создании приказов общественного призрения в губернских центрах России каждый из них получил из государственной казны по 15 тысяч рублей. Из этих “собственных” капиталов приказу разрешалось выдавать ссуды под 6% годовых. Займы выдавались под залог деревень и каменных строений сроком на 8 лет. При этом в момент выдачи из суммы займа вычитались проценты за год вперед. Следующие три года заемщик платил также лишь проценты на капитал, затем начиналось постепенное погашение ссуды. Например, если 1 января 1818 г. заемщик получил в ссуду 5000 рублей, то в момент выдачи с этой суммы вычиталось 6% — 300 рублей. В январе 1819, 1820 и 1821 гг. заемщик вновь вносил по 300 рублей — очередной 6%-ый взнос. В последующие 5 лет он возвращал ежегодно по 1/5 части долга и платил проценты на оставшуюся в

долгу сумму (например, 1 января 1822 г. возвращалась 1000 рублей и проценты на оставшиеся 4000 рублей — 240 рублей, в следующий год, 1 января 1823 г. — 1000 рублей и проценты на 3000 рублей — 180 рублей и т.д. до окончания срока кредита). Условия займов из приказов общественного призрения были, таким образом, весьма выгодны и многие помещики в провинции ими охотно пользовались. По сути дела приказы общественного призрения превратились в губернские банки — единственные в провинциальной России кредитные учреждения, выдававшие ссуды. Указом от 24 сентября 1799 г. приказам разрешено было брать для пополнения своей казны и кредитных операций “посторонние” капиталы. Эти капиталы также выдавались в ссуду или сдавались в Государственный заемный банк под 6% годовых. При этом владельцы капитала, сдавшие его в приказ, получали лишь 5% в год. Один процент из шести оставался в прибыли приказа /5/.

Начав с одного, определенного законом, капитала, приказы общественного призрения в российских губерниях стали развиваться совершенно по-разному. В более выгодном положении оказались хозяйственно развитые области, имевшие большой оборот капиталов. Приказы общественного призрения в них имели возможность более активно вести кредитные операции, получать прибыль и вкладывать ее в развитие учреждений социального призрения. Если сравнить капиталы приказов общественного призрения в разных губерниях через несколько десятилетий их существования, то мы заметим, что положение их значительно различалось. Расходы на благотворительные учреждения в местностях с богатым, щедрым на благотворительные пожертвования дворянством и купечеством, а также в столичных городах (Санкт-Петербурге и Москве) были весьма велики. Согласно данным “Табели о состоянии приказов общественного призрения в 1828 г.”, опубликованного “Журналом Министерства внутренних дел”, ежегодные расходы Санкт-Петербургского приказа составляли в это время 1 005 438 рублей асс., Московского — 356 312 рублей асс. Расходы же Пермского приказа общественного призрения в это время лишь немного превышали 30 тысяч рублей асс /6/.

Как свидетельствуют отчеты Пермского гражданского губернатора о состоянии губернии в 1806, 1813, 1815, 1829 и 1861 гг.,

основным и постоянным источником дохода Пермского приказа общественного призрения были доходы от кредитных операций (см. таблицу № 1). Основная доля капитала при этом отдавалась под проценты в государственные кредитные и финансовые учреждения. Займы и ссуды частных лиц были относительно невелики. Причина тому указана в нескольких отчетах приказа — “неимение заемщиков”. Пермская губерния была небогата помещиками, имевшими деревни, населенные крепостными людьми, а следовательно, имевшими право получать ссуды под залог. Судя по “Ведомостям о капиталах Пермского приказа общественного призрения”, в 1838 г. за “заемщиками” числилось всего 4 517 руб. 15 коп. асс. (0,5% всего капитала приказа), в кредитные же учреждения под проценты в это время было сдано 872 343 рубля 38 коп. асс. (96,7% всего капитала) /7/. В 1847 г. это соотношение составляло 3,8% и 93,9%, в 1861 г. — 0,5% и 93,2% /8/.

Согласно отчету губернатора, общий капитал Пермского приказа общественного призрения в 1861 г. составил 508 837 руб. 09 коп. сер. (1 780 929 руб. 50 коп. асс.). Большая часть этой суммы была отдана в рост под проценты. Деньги находились в комиссии погашения долгов (44 142 руб. 85 коп.), в государственном банке (267 342 руб. 92 коп.), в главном обществе железных дорог (124 000 руб.), в министерстве государственных имуществ — (28 571 руб. 43 коп.), в Екатеринбургской конторе государственного банка (10 000 руб.). “На заемщиках” числилось в это время 2 595 руб. 29 коп. Холерным больницам было отдано 8 106 руб. 88 коп., городским больницам — 1 030 руб. 55 коп. Остальные деньги (5 047 руб. 15 коп.) и акции на 18 000 руб. хранились в приказе /9/.

Пермский приказ общественного призрения с начальным капиталом в 15 000 рублей начал действовать в 1781 г. К 1861 г. капиталы его увеличились более чем в 100 раз. Расходы на благотворительные учреждения, однако, выросли не столь заметно. В 1803 г. они составили 4 840 руб. асс., в 1861 г. — почти в 15 раз больше, 20 698 руб. сер. (72 443 руб. асс.) /10/. На эти средства в 1861 г. содержались Александровская губернская больница, две больницы в уездных городах (Осе и Оханске), дом умалишенных, богадельня и училище для детей канцелярских служащих. “Призрение” и попечение в них в течение года нашли 1 225 человек (0,06 % от общей численности

жителей губернии) /11/. Конечно же, это была ничтожно малая часть населения, нуждающегося в социальной помощи.

Таблица № 1.

**Источники пополнения казны
Пермского приказа общественного призрения (в %%)***

Статья пополнения	1806	1813	1815	1829	1861
Доходы от кредитных операций	31,3	47,0	42,6	26,2	64,6
Штрафные и апелляционные деньги	54,9	17,8	22,3	5,5	9,6
Хозяйственные доходы	5,9	31,0	28,6	20,9	21,0
Благотворительные пожертвования	7,2	1,3	1,3	4,6	1,2
Другие источники дохода	0,7	2,9	5,2	42,9**	3,6
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Бесплатную помощь в “богоугодных заведениях” Пермского приказа общественного призрения получали лишь самые бедные и обездоленные жители городских сословий, а также лица, в силу каких-либо причин оказавшиеся вне рамок своего “общества” (нищие, бродяги, арестанты, безродные калеки и пр.). Все остальные либо сами компенсировали средства на свое “призрение” в заведениях приказа (богатые горожане, дворяне, чиновники), либо содержались за счет помещика, мирского общества или ведомства, к которому они были приписаны (государственные крестьяне, военные чины, мастеровые уральских заводов, полицейские, почтовые служащие и пр.). Данные “Краткого отчета Пермского приказа общественного призрения о состоянии богоугодных заведений” за 1847 г., например, свидетельствуют о том, что в течение года в шести благотворительных заведениях приказа (губернская больница, дом умалишенных, богадельня и училище детей канцелярских служителей в Перми, а

*Источники для составления таблицы: Отчеты гражданского губернатора Пермской губернии за 1806, 1813, 1815, 1829 и 1861 гг. (РГИА. Ф.1281. Оп.11. Д.100. Л.100-102; Д.101. Л.83, 214; Оп.6. Д.79. 1862 г. Л.76; Ф.1286. Оп.4. Д.802. Л.90-95).

** По предписанию управляющего министерством внутренних дел от 22 декабря 1827 г. в помощь Пермскому приказу общественного призрения при строительстве каменного корпуса больницы и дома умалишенных в 1828 – 1832 гг. передавались “прогонные деньги” за перевозку почты и эстафет, предназначенные почтсодержателям. Если не учитывать это случайное поступление, то доходы от кредитных операций в 1829 г. составили 44,8 % от общей суммы.

также “градские” больницы в Осе и Оханске) лечение и помощь получили 721 чел., из них бесплатно — 396. Городские жители могли получить помощь также в “богоугодных заведениях”, финансируемых из доходов городских обществ. В 1847 г. это были 9 больниц (в Кунгуре, Соликамске, Красноуфимске, Екатеринбурге, Чердыни, Камышлове, Верхотурье, Шадринске, Ирбите) и 2 богадельни (в Кунгуре и Чердыни). Содержалось в них в течение года 1 034 чел., из них бесплатно — 41 /12/.

Для горнозаводского населения горное ведомство и частные заводовладельцы создали собственную систему попечительства. Из доходов заводского производства и феодальных доходов заводовладельцев тогда финансировалась вся социальная сфера горнозаводского Урала. Современники вспоминали, что у владельцев заводов на Урале еще со времен В. Н. Татищева существовала традиция: одновременно с заводом строить церковь, школу и госпиталь. Способствовало этому не только стремление заводовладельцев следовать социальному законодательству (Горный устав во многом конкретизировал социальные обязательства промышленников), но и осознание необходимости специальной поддержки социальной сферы жизнеобеспечения горнозаводского населения. Индустриализация, даже в ее начальной стадии, многократно увеличила число людей, нуждающихся в помощи. Травматизм, преждевременная потеря сил и здоровья стали неизбежными спутниками начавшегося в первой половине XIX в. в России промышленного переворота. Решить проблемы социальной поддержки огромного числа людей с помощью традиционных форм социальной защиты (семьи и общины) было невозможно. Управляющий Пермским имением Лазаревых Г. А. Надуткин писал по этому поводу своему хозяину в 1855 г.: “Преждевременное занятие молодых людей в тяжелые заводские работы и неизбежные ушибы и увечья мастеровых в фабриках суть причины того, что в Чермоском заводе считается не более 20 % сильных и здоровых работников из всего заводского народа, между тем, как в сельских имениях число их всегда восходит выше 40 %” /13/. Управляющие частных горнозаводских округов и горные начальники, как непосредственные руководители промышленности, более всех были заинтересованы в сохранении объемов производства и социальной стабильности на

подведомственных им предприятиях. Именно их мнение часто определяло направление социальной политики горного ведомства и трансформацию институтов социальной защиты в промышленности /14/.

В наиболее льготных условиях в первой половине XIX в. оказались рабочие казенных заводов, в ипостаси владельцев которых выступала сама казна. Проект горного положения 1806 г. и последующие горные уставы узаконили на казенных заводах вполне развитую систему социальной защиты. Рабочие и члены их семей, сироты, вдовы обеспечивались бесплатной медицинской помощью, провиантским “богаделенным пособием”, а иногда и денежной пенсией в случае старости и инвалидности.

Право социальной защиты и социального обеспечения горнозаводского населения было признано не только официальным государственным законодательством (в первой половине XIX в. это право распространялось только на рабочих и служащих казенных заводов), но и вотчинным правом. В феврале 1837 г., например, появилось подробное Положение об управлении Пермского нераздельного имения Строгановых. Положение содержало особые главы “О сохранении здоровья”, “Об опеке”, “О призрении сирот и нищих”, “О богадельнях”. Врачебную помощь и советы всем людям строгановского имения положение предписывало доктору подавать безденежно, “а в тяжких случаях посещать их в домах и посылать к ним своих учеников с лекарствами и наставлениями”. Малолетним сиротам гарантировалась опека и сохранение имущества вплоть до совершеннолетия. Правила этой опеки строго регламентировались. Заводские и промысловые сироты, не имеющие средств к существованию, помещались в особые сиротские дома, “дряхлые и увечные люди” — в богадельни /15/. Особое “Учреждение сиротских попечительств” имелось в Пермском имении Лазаревых /16/.

Вотчинным правом и инструкциями заводовладельцев в первой половине XIX в. стало регулироваться пенсионное обеспечение рабочих и служащих частных заводов. Как правило, денежные пенсии здесь выдавались лишь служащим, престарелые рабочие получали “провиантное богаделенное пособие”. В журнале заседаний комитета управляющих Пермским имением Строгановых от 1841 г., например, записано, что общая сумма пенсионов служащих в этом

году должна была составить 5 100 рублей, мастеровых же — 1 500 руб. /17/. Как указывалось в Проекте правил Чермозского главного правления Лазаревых о положении пенсий служащим и мастеровым с их семействами, составленном в 1851 г., право на пособие они приобретали “по благотворительности их превосходительств господ владельцев” беспорочную, долговременную, верною службою. Никаких гарантий осуществления этого права рабочие и служащие не имели. Заводовладелец мог в любой момент лишить пенсионера пособия, как пишется в том же Проекте, “по злоупотреблениям или по каким-либо проступкам в явной неблагодарности”. Права на пенсию лишались и вольноотпущенные /18/. Не распространялись пенсионные выдачи на крестьян, занятых в заводском производстве, так как они, как указано в пенсионных правилах Пермского имения княгини Бутеро-Родали 1860 г., постоянною службою и работою не заняты и имеют полную возможность сами себя пропитывать /19/. Сроки выслуги денежной пенсии и богаделенных пособий по старости в разных округах были разными, все зависело исключительно от воли заводовладельцев и их финансового состояния.

Число лечебных и благотворительных заведений, существовавших на горных заводах Урала, существенно выросло в первой половине XIX в. В этот период уральские заводчики, по словам одного из дореволюционных исследователей Урала, “серьезно взялись за решение этого важного вопроса” /20/. В богатых частных горнозаводских округах и на казенных заводах больницы и богадельни отличались прекрасным благоустройством. Лечение и социальную помощь в них мастеровые люди получали, как правило, бесплатно. Мастеровые многих заводов, по свидетельству заводских врачей обращались за врачебной помощью охотно, потребность в лечении у них становилась привычкой. Свидетельством тому служат среднегодовые данные врачебной статистики, в которые в Невьянском округе за 1853—1854 гг., а в Нижнетагильском за 1860-е гг. попал каждый десятый житель /21/.

В фонде министерства внутренних дел сохранилась “Ведомость о частных благотворительных заведениях”, направленная в 1855 г. губернатором Пермской губернии в хозяйственный департамент МВД. В этой ведомости приводятся сведения о госпиталях, больницах, богадельнях и детских приютах, не подведомственных Пермскому

приказу общественного призрения. Согласно данным этого отчета, в 1854 г. за счет средств частных заводоладельцев в губернии содержались: 21 госпиталь, 29 больниц, 7 богаделен, 4 детских приюта. Призрение и попечение в них в 1854 г. нашли 31 393 чел. (17,6% от общей численности подчиненного частным горнозаводским округам населения). Эта цифра вызывает уважение даже сейчас, в современных условиях организации социального обеспечения. Система попечительства, существовавшая на горнозаводском Урале в первой половине XIX в., оказалась, таким образом, доступной весьма значительной части нуждающегося в ней горнозаводского населения.

Вероятно, оказывалась ведомственная помощь на Урале и другим группам уральских жителей. Отчет о частных благотворительных заведениях 1855 г. не сообщает, например, об учреждениях социальной помощи духовного ведомства, хотя известно, что на Урале они существовали. Сохранилось лишь известие о создании в 1853 г. в Каменском казенном горном заводе особой богадельни для женщин. С разрешения преосвященного Неофита, архиепископа Пермского и Верхотурского, богадельню основала дочь отставного мастерового Каменского завода Авдотья Ивановна Воронина. Богадельня для женщин располагалась первоначально в деревянном доме, впоследствии для нее было построено особое двухэтажное каменное здание. Здания эти находились в собственности самих женщин — “тружениц” богадельни. Питались “труженицы” за свой счет — на содержание богадельни поступали доходы от продажи рукодельных изделий призреваемых женщин. Рассчитана Каменская богадельня была на 20 человек. В 1854 г. в ней “призревалось” 29 женщин /22/.

“Ведомость о частных благотворительных заведениях в Пермской губернии” 1855 г. не сохранила также ни единого упоминания об учреждениях социальной помощи, организованных уральскими помещиками в деревне. Нет о них сведений и в других источниках. Как и в старые феодальные времена, в середине XIX в. в случае беды сельский житель Урала мог рассчитывать лишь на традиционные институты семейной помощи и мирской взаимовыручки.

Если попытаться в целом охарактеризовать модель “общественного призрения”, сложившуюся на Урале в первой половине XIX в., то можно назвать ее системой патерналистских социальных отношений.

Основными чертами ее являлись: финансирование бюджетов социального страхования и обеспечения в основном на нестраховых принципах, когда расходы по ним возмещались из текущей прибыли предприятий или феодальных доходов владельцев зависимого населения; добросовестное выполнение производственных обязанностей и лояльность по отношению к работодателю или хозяину как основное условие получения нуждающимися пенсий и благотворительных пособий; бесплатное “провиантное” обеспечение как наиболее распространенный вид защиты. Приказ общественного призрения как государственное учреждение не нарушал основного принципа социальной помощи (хозяин заботится о подданном), так как оказывал бесплатную поддержку только людям, в силу каких-либо причин лишившимся связи со своим “обществом” или хозяином. Система эта, в общем-то, не была исключением: патерналистская доктрина социальной защиты в XIX в. господствовала в политике всех европейских государств. Исторический шаг в сторону “государства всеобщего благоденствия” имперское германское правительство Бисмарка сделало впервые лишь в конце XIX в., введя систему обязательного социального страхования для всех работающих в промышленности.

Недостатки существовавшей в России системы социальной помощи правительство понимало. Приказ общественного призрения не стал институтом, притягивающим к себе частную благотворительность. Добровольно отданные на нужды приказов благотворительные пожертвования составляли ничтожно малую часть их капиталов. Бюрократическое течение дел в этих государственных учреждениях, формальное отношение к делу руководивших ими губернских чиновников, неспособность их рационально вести хозяйственные дела, а иногда и просто злоупотребления, допускавшиеся при употреблении казенных капиталов, не вызывали доверия к деятельности приказов и отталкивали от них общественность. Финансовые возможности приказов общественного призрения были ограничены и не развивались столь быстро, чтобы обеспечить социальной помощью всех нуждающихся.

Начало реформ в области организации общественного призрения относится к концу 1850-х гг., когда приказы общественного призрения были лишены права вести кредитные операции (эти функции переда-

вались банкам). С изданием Земского и Городового положений 1870-х гг. приказы во многих губерниях перестали существовать. Основным в финансировании дела социального призрения стал земский капитал. Изменили реформы 1860—1870-х гг. и отношение правительства к частной благотворительности, возможности которой были существенно расширены. Тем не менее, и в ходе этих реформ не был изменен патерналистский и сословный характер институтов социальной помощи в России, что на долгие годы сохранило ограниченность охвата населения системами социального страхования и обеспечения.

1. Свод законов Российской империи. Т. 14. — Б. м., 1832. — Ст. 234.
2. Проект горного положения для управления заводов хребта Уральского. — Б. м., 1806.
3. Стог А. Об общественном призрении в России. Ч. 1. — СПб., 1818. — С. 43, 94.
4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 32. Д. 3345. Л. 5 об.
5. О доходах и расходах приказов общественного призрения // Стог А. Указ. соч. Ч. 2. — СПб., 1818. — С. 50-57.
6. Журнал МВД. — 1829. — Кн. 2. — Прил.
7. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 82. Оп. 1. Д. 104. Л. 37.
8. ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 104. Л. 307; РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1862 г. Д. 79. Л. 77.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 6. 1862 г. Д. 79. Л. 76-77.
10. Стог А. Указ. соч. Ч. 1. — Прил.; РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. 1862 г. Д. 79. Л. 76-77.
11. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. 1862 г. Д. 79. Л. 78.
12. ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 104.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1882. Л. 200 об.
14. Подробнее см.: Дашкевич Л. А. Социальная политика горного ведомства на Урале в первой половине XIX века // Уральский исторический вестник. — 1999. — № 5-6. — С. 300-312.
15. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4420.
16. ГАПО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 976.
17. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1422. Л. 6 об.
18. ГАПО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1081. Л. 1 об., 12 об., 15.
19. Пермские губ. ведомости. — 1860. — 16 сент.

20. Белов В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов. — СПб., 1886. — С. 74.

21. Голикова С. В. Попечение владельцев горнозаводских рабочих Урала в сфере здравоохранения (1800-1861 гг.) // Доклады научно-практической конференции “Предприниматели и рабочие их взаимоотношения. Вторая половина XIX — начало XX веков” (Вторые Морозовские чтения). — Ногинск-Богородск, 1996. — С. 37.

22. РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 84. Л. 314-319.

В. Г. Карелин,

ОАО “ВНИИМТ” (Екатеринбург)

Начало первой словесной заводской школы на Уктусском заводе в XVIII веке

Первую горнозаводскую школу на Урале организовал В. Н. Татищев, в составе которой начала функционировать словесная школа на Уктусском заводе.

О дате начала работы словесной школы в Уктусе в публикациях исследователей высказаны различные точки зрения. Н. К. Чупин в одной работе указал “1721 год” [1], а в другой уточнил — “в последних числах февраля” 1721 г.. Н. Нечаев в одной работе [2] указывал — вскоре после марта 1721 г., а в другой [3] — после сентября 1721 г. В. Будрин в одной работе записал — вскоре после написания инструкции Бурцову [4], а в другой — с февраля 1721 г. [5]. Э. Пензин отметил — в марте 1721 г. [6]. Таким образом, даты начала работы Уктусской словесной школы, сообщаемые исследователями находятся в пределах от февраля до “после сентября” 1721 г.

Когда же реально начала функционировать Уктусская словесная школа? Ответить на этот вопрос однозначно удалось после длительной работы с архивными документами, находящимися в основном в фонде “Уральское горное управление” в Государственном архиве Свердловской области.

30 декабря 1720 г. Татищев приехал на Уктусский завод. Обнаружилось, что заводской управитель Тимофей Бурцов заводские дела ведет “смятно”. Не было ни описи указов, ни полного журнала поденной